МУДРЫЙ ВОЛК

ИЗДАТЕЛЬСТВО • МАЛЫШ • 1979

15 сестёр сказки

Издательство «Малыш»

МУДРЫЙ ВОЛК

Вот как это было. Гнались три собаки за Волком. Три собаки: не одна, не две, а три.

Уж они бежали, уж они скакали, языки повысунув, хвосты выпрямив, клыки оскалив, шерсть — дыбом.

Так неслись они за Волком, не давая ему передышки. Не одна собака, не две, а три!

Что ему, бедному, делать? Куда ему, серому, деться?

Батюшки мои! Совсем Волк обессилел: собак-то ведь три, а он — один. Куда спрячешься? У кого защиту найдёшь? Кто ему,

серому, поможет? Ноги его ослабели, глаза остарели, а силу он всю на бегу растерял. И не то чтобы передохнуть, не опомниться даже.

Но, видно, не зря Волк бежал, не зря скакал, на таком бегу, на таком скаку — кровь-то быстрее по жилочкам переливается, голова прытче работает, мысли в ней спешат, одна другую обгоняют. И заметьте, чем больше собак гонится, тем мысли проворнее, ловчее становятся!

Но вдруг... Что за чудо?

Остановился Волк.

Остановился и сел.

Сидит, на собак глядит, как они приближаются.

Вот они — собаки. Прибежали, стоят перед Волком. Сейчас ему конец, серому, конец, бедному!

А Волк спокойно им и говорит:

— Вот вы бежали, вот вы скакали! Не одна, не две — три! А зачем? Вы же собаки умные, вы собаки разумные, сначала ответьте, а уж потом, коли ваша правда, — съешьте меня.

Удивились собаки.

А сами молчат, что сказать — не знают, хоть они собаки умные, хоть они разумные.

Оглядел тогда их Волк и спросил у собаки, у Чёрной:

— Ты чья?

— Я — собака пастуха.

— Так я и знал, — сказал Волк.

Загрустил. Пригорюнился. А потом спросил у собаки, у Белой:

— А ты чья?

— Я — собака рыбака.

— От судьбы не уйдёшь! — сказал Волк и совсем голову повесил.

Потом обернулся к Рыжей собаке и её спросил:

— А ты чья?

— Я — собака кузнеца, — ответила Рыжая собака.

Тогда Волк сказал:

— Ты, Чёрная собака, по праву, по закону гналась за мной. Уж больно много я, серый, перетаскал у пастуха овец.

Обрадовалась Чёрная собака: до чего же всё хорошо получается!

— Ты, Белая собака, — сказал Волк, — можешь гнаться за мной: случись голод — утащу я у твоего хозяина рыбёшку!..

И Белая собака обрадовалась: тоже хорошо!

— Но ты, собака кузнеца! — сказал Волк Рыжей собаке. — Ты-то почему гналась за мной? Ведь не мог же я съесть у кузнеца его железный молот и наковальню?

Опустила Рыжая собака свою голову и смущённая побежала прочь.

Посмотрел Волк на собак: не на одну, не на трёх, а на двух собак посмотрел. И сказал той, что Белой была:

— Бежать-то ты за мной, скакать-то ты за мной могла. Верно это. Но разве я столько рыбы у твоего хозяина перетаскал, сколько овец у пастуха загрыз? Уж если кому меня съесть, так только не тебе, Белой, не тебе, светлой, а Чёрной собаке, пастуховой! Ей меня догонять, ей меня побеждать и ей одной меня съесть — ни с кем не деля!

Тут Чёрная собака обрадовалась, клыками острыми оскалилась, развеселилась: всё ей, и никому больше!

Посмотрела Белая собака на Волка, на серого, на собаку Чёрную, подумала:

«И что это мне на ум взбрело за ним гнаться, из-за какой-то рыбёшки с собакой Чёрной ссориться, с ним, с самим Волком, связываться!»

Подумала, только подумала, как поджала хвост и затрусила прочь.

А Волк, пока рассуждал, разговоры разговаривал, мало того, что дух перевёл, — совсем отдохнул.

— Ба-а! — встрепенулась Чёрная собака. — Кажись, нас не двое, не трое, а теперь я одна с Волком, с глазу на глаз осталась!

И в страхе наутёк пустилась.

Убежали собаки, не одна, не две, а все три убежали.

А поумневший Волк пошёл дальше, приговаривая:

— Хороши ноги, коли они быстро бегать умеют, но ещё лучше, когда умные мысли от них не отстают и вовремя в голову приходят.

БЕЗ ТРУДА — НЕТ ДОБРА

Старик со старухой в избушке жили. И была у старика собака, а у старухи — кот. Ну, эти — жили не тужили. Хозяева добрые, заботливые. Казалось бы, радоваться надо. Так нет, поди ж ты, надоело собаке дом сторожить, коту — мышей ловить: лень их, лежебок, одолела. Вот и говорит один другому:

— К чему нам работать? С нашими-то зубами, с нашими-то когтями, да такие красовитые — мы гуляючи проживём!

Думали, думали. И надумали: бросили стариков и ушли прочь.

Идут веселятся, гордятся, важничают. У одного — хвост бубликом, а у другого — трубой.

Дошли до мосточка, попрощались и разошлись, чтобы нагуляться вволю, а через три дня, к вечеру, снова встретиться.

Вот пошла собака в лес и повстречала там волка. Волк в логове своём залёг, приглашает:

— Иди ко мне в напарники, будем с тобой по лесам гулять, по полям прогуливаться.

Ну, долго пёс не раздумывал:

— Согласен я! — говорит.

Залегли они в логово вдвоём. Лежат день, лежат два. Захотелось им есть.

— А ну, — волк говорит, — глянь-ка из лесу: может, кто в поле подходящий появился!

Глянула собака, вернулась в логово и говорит:

— Там гуси ходят.

— Хлопот много — поживы мало! — пробурчал волк.

А собака привыкла у деда каждый день есть, вот она и манит волка:

— Гуси-то белые, лапки жёлтые, а шейки, шейки у них тонкие!

Облизнулся волк, но промолчал в ответ.

Вот прошло ещё время, он снова говорит:

— А ну, напарничек, пойди — погляди в другой раз: может, теперь ещё кто в поле ходит!

Сбегал пёс к полю. Вернулся радостный:

— Свиньи ходят!

А волк опять лениво цедит:

— И с этими хлопот много, а поживы мало!..

Собака только вздохнула. А что делать? Не спорить же с волком!

Вот проходит время, волк снова говорит:

— А ну, выбеги, теперь-то уж наверняка кто-то ходит!

Выбежал пёс, вернулся и говорит:

— Конь ходит, пофыркивает!

— То дело, — говорит волк, — теперь пойдём!

Вышли они из лесу. Волк с бережка спустился, залез в воду, а потом вывалялся в песке и спрашивает:

— Здорово я изменился, преобразился?

— Ох, здорово! — отвечает пёс, а сам от нетерпенья дрожмя дрожит.

Подкрались они к коню. Волк спереди подошёл, к самой его морде, подобрался и отряхнулся: песок и полетел! Конь глаза зажмурил, а волк его тут и задавил.

Наелись досыта. Уж куда больше! Собака и осмелела. Осмелела, обнаглела:

— Эка, — говорит, — премудрость! Теперь я всё поняла. Спасибо за науку.

Волк к себе в логово вернулся, а собака к мосточку пошла.

Только на него ступила — а навстречу кот. Собака и окликнула его:

— Кот, кот! Иди ко мне, я теперь все науки знаю. Будем жить не тужить, припеваючи!

Схоронились они под мосточком. Лежат, отдыхают, греются. Вот прошло столько-то времени, приказывает собака коту:

— А ну, кот, напарник мой верный, иди погляди: может, кто в поле ходит!

Сбегал кот, поглядел, вернулся и говорит:

— Там гуси ходят!

А собака наелась, так и бормочет презрительно:

— Э, хлопот много, а поживы мало!

А кот-то голодный, вот он и манит:

— Гуси-то белые, лапки жёлтые, а шейки, шейки у них тонкие!

Ничего не сказала собака. Облизнулась и дремлет.

Вот прошло ещё сколько-то времени, она и говорит:

— А ну, напарник мой верный, сходи-ка теперь: может, кто ходит!

Кот вышел, вскорости назад вернулся и говорит:

— Там свиньи ходят!

А собака сквозь зубы еле-еле цедит:

— Э, хлопот много — поживы мало!

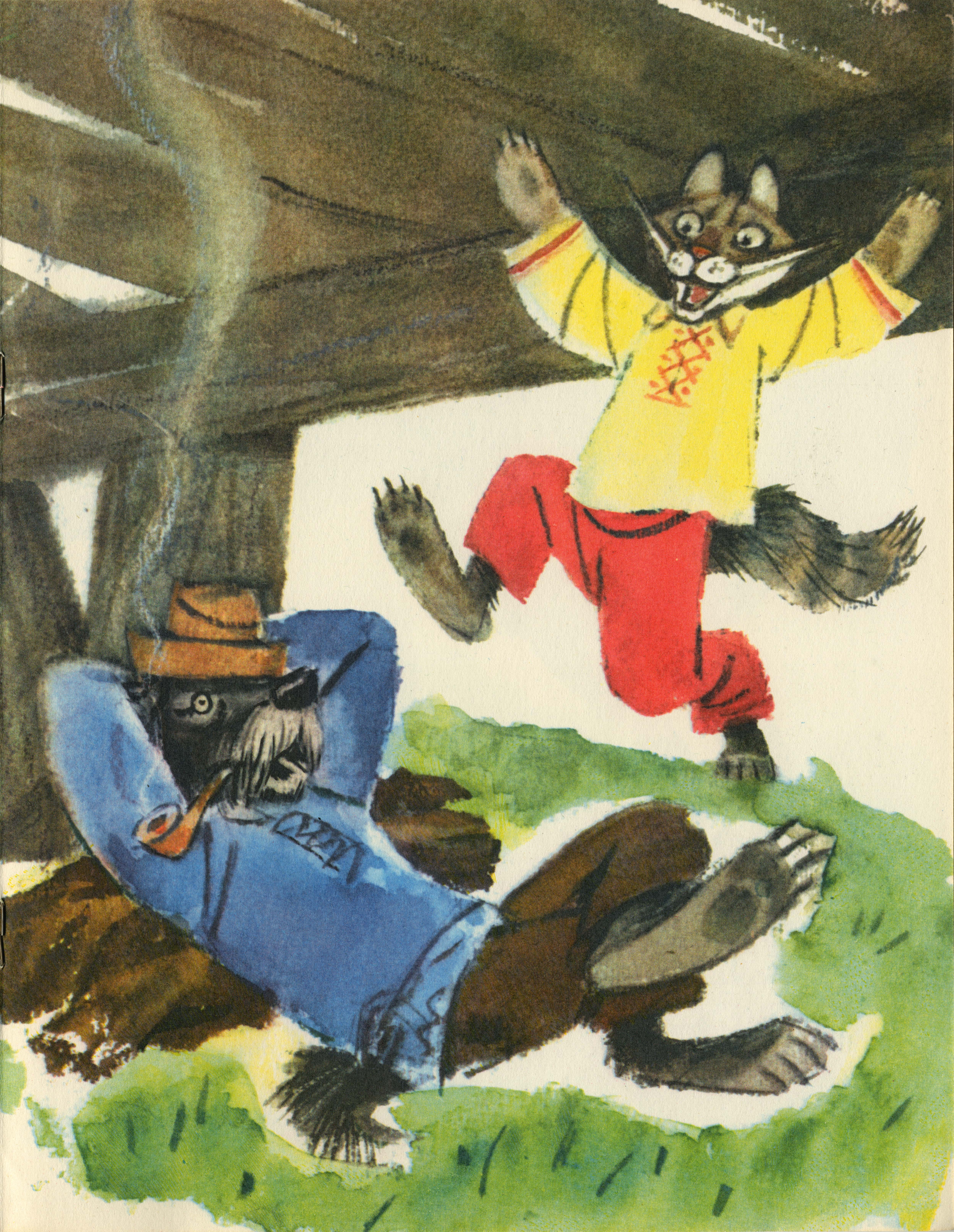
Кот облизнулся, вздохнул, да что поделаешь!

Полежали ещё часок-другой, наконец, собака глаза открыла, уши навострила, опять кота посылает:

— А ну, напарник мой, кажись, пришла пора, выбеги: может, теперь там кто-нибудь стоящий ходит!

Кот вылетел, выбежал, вернулся и говорит:

— Конь там ходит, пофыркивает!



Вскочила собака:

— То дело, — говорит, — пошли!

Спустилась собака с берега, в речку залезла, окунулась, а потом в песке вывалялась. Стоит, на кота смотрит, спрашивает:

— Что, здорово я изменилась, преобразилась?!

— Да не очень! — сказал кот.

— Нет, ты скажи, что здорово!

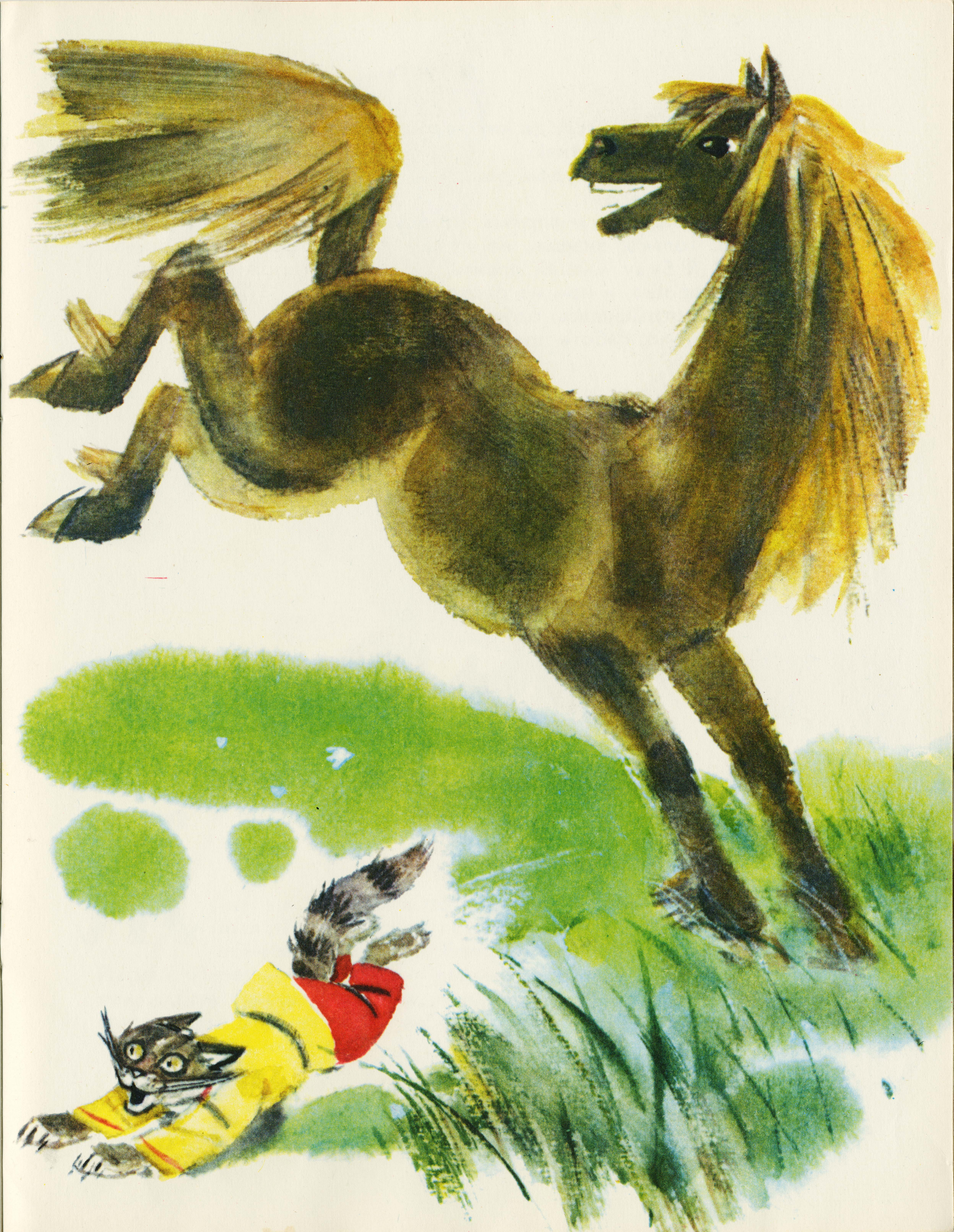
Кот и сказал:

— Ну, здорово!

Собака и говорит:

— Сейчас увидишь мою удаль, мою науку, что я изучила!

Пошли они к коню. Подкрались поближе. Собака-то, не разобравшись, подобралась к нему сзади, вскочила и отряхнулась.



А конь встрепенулся, да как хватит её копытом!
Уж она летела, летела!..
Кот её в траве с трудом разыскал.
Разыскал и говорит:
— Вот теперь ты и впрямь здорово преобразилась!.. Я тебя еле узнал. Только, знаешь, не лучше ли нам, без греха, домой вернуться? Я буду мышей ловить, ты — дом сторожить! Старику и старухе хорошо, и нам не плохо!
А собака отдышалась, одумалась и отвечает:
— И то дело. Работа привычная, и пища добрая!

ПУСКАЙ

Жил-был Пускай. «Это как так? — скажут люди. — Разве имя такое, Пускай, сыщется?» А вот поди ж ты, жил всё-таки на селе, в белорусской земле, парень такой, Пускай. Парень как парень — ладный, складный, силой не обделён, собой хорош, да ленив, нерадив. От работы за отцовскую спину прятаться мастер, от заботы, знает — хлопотливые руки материнские его избавят.

Бывало, скажет ему старый дед:
— Ты бы дровишек наколол. Печь топить нечем.
А он в ответ:
— Ну и пускай нечем!
А сам знает — отец наколет.
Бабка попросит:
— Ты бы сходил до колодца. Воды нет.
А он:
— Ну и пускай нет!
Известно — мать воды принесёт.
Отец говорит:
— У хаты крыша течёт. Ты бы залатал, починил.
А он:
— Ну и пускай течёт!
Мать говорит:
— Не видишь, что ли, куры в огород повадились, лазят — плетень заделать надо.
А он:
— Ну и пускай лазят!
«Сами, мол, сделаете!»
Вот откуда такое не имя — прозвище Пускай взялось. Парня-то по-настоящему иначе — Кузьмой звали.
Выходит, это он сам себя переименовал.
А было — случилось вот как. Проходил той стороной солдат, служивый, значит. Постучался в дом, где Пускай жил, — воды напиться попросил. Ну, Пускай-то сам на травке, под яблоней, полёживал, в небо посматривал, а в доме его родители оставались. Вот и разговорились с солдатом. То да сё, так и до беды своей, до Пуская, добрались: парень молодой, ленивый, неисправимый.
Выслушал их солдат и говорит:
— Ну, это дело простое. Такого положения нет, чтоб выход не найти. Только умом раскинуть надо.
А дед Пуская просит:
— Помоги, служивый! Присоветуй!
И отец Пуская просит:
— Помоги.
Солдат и говорит:
— Ладно. Задача невелика, ты вот послушай. Как я скажу, так и исполняй.

Сказал солдат, как сделать надо, как поступить, уговорились. И на том условились. Солдат-то ушёл, а отец Пуская — в сад, к яблоньке. Окликнул сына:

— Кузьма, а Кузьма! Пошли в лес, нам лыко нужно!

А Кузьма лежит, полёживает:

— Пускай, — говорит, — нужно!

«Мол, сам пойдёшь!»

Отец опять говорит:

— Мы лапти сплетём. Ходить-то не в чем!

А сын отвечает:

— Ну и пускай не в чем!

И в небо посматривает, да ещё прижмуривается!

Тогда отец и говорит ленивому сыну:

— Ну ладно, давай так: в лес пойдём, я буду лыко драть, а ты там полежишь — всё здоровее, под деревцами, в самой тени, да на мягком мху. А я тебе за то ягодок ещё насбираю!

Пошли они в лес.

Пускай сразу завалился, приказывает:

— Как обещал, давай ягодки! Да покрупнее!

Только отец за деревьями скрылся — будто ягодки искать, а служивый, то есть солдат, — тут как тут. Подкрался неслышно, схватил Кузьму, скрутил ему руки и говорит:

— Сегодня парко, а будет жарко. Вся деревня за делом ушла: кто по грибы, кто по ягоды. Кто в поле, кто в лесу лыко дерёт, один ты, парень, бездельничаешь, лодырничаешь!

— Ну и пускай лодырничаю! — отвечает Кузьма. — Тебе-то что?

— А то, — говорит солдат, — что всяк свою службу исполняет, и стар, и мал, один ты гуляешь! Ручками своими не пошевелишь!

— Ну и пускай исполняют! — говорит Кузьма. — Пускай я гуляю! Пускай я ручками не шевелю!

Тут солдат совсем рассердился.

— Ах ты! — говорит. — Ну, тогда я тебе помогу: чтоб ты лучше видел, как люди работают, пока ты бездельничаешь, куражишься.

Взял верёвку да и привязал Кузьму к дереву:

— Теперь твои рученьки отдохнут, а глаза полюбуются! — сказал. — А если кто придёт и ты на меня жаловаться начнёшь, так и скажи прямо: мол, меня Пускай к дереву привязал. По рукам и по ногам. Вот как!

Да ещё, чтобы его Кузьма лучше помнил, прутом по нему прогулялся.

И ушёл.

Только исчез солдат за деревьями, Кузьма в крик:

— Тата! Тата!

А отец нейдёт.

Кузьма ещё громче. Ну, проходили мимо мужики из их деревни, спрашивают:

— Кузьма, тебя кто привязал?

А он:

— Пускай привязал.
Мужики и ушли.
Проходили парни. Спрашивают:
— Тебя кто привязал?
А Кузьма привык, иначе язык не поворачивается, ответил:
— Пускай привязал!
Парни в гогот:
— Ну, раз пускай, значит — пускай!
И ушли.
Вечереть стало. Комары налетели. Да что комары. Оводы

жгутся — сил нет. И голод мучит. Натерпелся Кузьма — страсть. Закричал, заплакал на весь лес.

Прибежали бабы:

— Кто тебя привязал?

А он плачет и говорит:

— Пускай привязал!

Подивились бабы, прочь пошли.

Ну, Кузьма не выдержал, завопил:

— Помогите, помогите!

Тут как раз его отец из-за деревьев выходит:

— Что, — говорит, — сынок, кричишь? Никак тебя Пускай к дереву привязал?

А Кузьма в ответ:

— Тата, тата! Помоги, освободи! Никогда я больше не буду этого слова произносить! Обещаю — забуду его навсегда!

Отвязал отец сына и говорит:

— Кузьма, Кузьма, пока я за ягодками ходил — дело-то женское, ребячье, — ничего не насбирал — лыко так и не успел надрать!

А Кузьма ему в ответ — надо бы по-старому: «Ну и пускай не успел!» — так он теперь по-иному заговорил:

— Ах, тата, тата! Давай сейчас же за работу примемся. Ведь сколько успеем-сделаем! У меня силы хоть отбавляй!

И правда: взялись отец с сыном, вдвоём-то работа вон как спорится!

Вернулись домой, и оба — молчок: ни он кому, ни кто ему о Пускае не напоминают!

СКАЗКИ
15 СЕСТЁР

Белорусские народные
сказки

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»

25 коп.

Для младшего школьного возраста

МУДРЫЙ ВОЛК

Белорусские народные сказки

Пересказал Виктор Важдаев

Художник В. КАРПЕНКО

ИБ № 777

Редактор Л. Кузнецова. Художественный редактор Д. Пчёлкина. Технический редактор Н. Житенёва. Корректор С. Бланкштейн. Сдано в производство 16/V-78 г. Подписано в печать 6/XII-78 г. Ф. 60×90/8. Офс. № 1. Усл. печ. л. 3,5. Печ. офс. Шрифт журн.-рубл. Уч.-изд. л. 2,78. Тираж 200 000. Изд. № 5377. Заказ № 351. Цена 25 коп. Издательство «Малыш», Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

В $\frac{70802—038}{M102(03)—79}$ 38—79

© Издательство «Малыш» 1973